

Лусия Альварес¹
Lucía Álvarez

1968 ГОД В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

1968 FROM LATIN AMERICA

LOS '68 DESDE AMÉRICA LATINA

Аннотация: Десятилетие 60-х годов XX века отметились проявлениями политического радикализма во всемирном масштабе. Рабочие и студенческие восстания прошли по коммунистическим, капиталистическим и странам «третьего мира», это было время, когда молодежь всего мира читали, спорили на одни и те же темы, стремились возглавить революцию обычаев и повседневности. Здесь мы предлагаем анализ латиноамериканского 1968 г., а точнее взгляд на 68 год из Латинской Америки, доказывая, что это движение, имея своим эпицентром Европу, была тесно взаимосвязано с движениями на периферии, где оно имело и свои отличительные черты. Помимо простой солидарности друг с другом движения 68 года подчеркивали свои специфические черты в каждом регионе, не повторяли друг друга, отмечая, что национальные рамки являлись преобладающими.

Ключевые слова: Май 1968, молодежь, Латинская Америка, Кордобасо, Новые левые

Abstract: The sixties opened an experience of political radicalism shared on a universal scale for the first time. Communist, capitalist and third-world countries underwent a set of worker and student strikes, while the

¹ *Лусия Альварес* – аргентинский социолог и журналист, Студенческий директор Университета Сан-Мартин, преподаватель Института высших исследований Университета Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, Аргентина. *Lucía Álvarez*, San Martín University, Buenos Aires, Argentina. E-mail: luciaalva@gmail.com

youth were leading a revolution in customs and daily life. The studies of the '68 in Latin American, or rather a '68 interpreted from Latin America, reveals that far from being a movement with a european epicenter, these interconnected experiences had a need of differentiation. It exposes that beyond the solidarity between them, the sixties movements used to put special emphasis on showing their specificity, on avoiding all kinds of imitation and that the national framework functioned, in some way, as the final modeler of that experience '68.

Key words: May of the 1968, youth movement, Latin America, Cordobazo, New left

Resumen: La década del sesenta dio lugar a una experiencia de radicalidad política compartida, por primera vez, a escala universal. Rebeliones obreras y estudiantiles se superponían en los países comunistas, capitalistas y tercermundistas, al tiempo que los jóvenes del mundo compartían lecturas y debates y protagonizaban una revolución en las costumbres y la vida cotidiana. Una mirada reposada en el '68 Latinoamericano, o mejor dicho un '68 visto *desde* América latina, revela que lejos de tratarse de un movimiento con un epicentro europeo, se trató de más bien de experiencias interconectadas pero también con una necesidad de diferenciación. Revela que más allá de la solidaridad entre ellos, los movimientos *sesentayochistas* ponían especial énfasis en mostrar su especificidad, en evitar todo tipo de imitación y que el encuadre nacional funcionaba, de algún modo, como el modelador final de esa experiencia '68.

Palabras claves: Mayo 1968, juventudes, América Latina, Cordobazo, Nueva izquierda

«Впервые все люди стали современниками»
Октавио Пас

В своей книге «68 год: Париж, Прага, Мехико» мексиканского писателя Карлоса Фуэнтеса было введено в оборот определение 1968 года как «года-созвездия». Он пишет, что речь идет о совпадении и параллельности событий наподобие революции независимости в Испанской Америке в 1810 г. или о революциях 1848 г., прокатившихся по городам Европы. Достаточно упомянуть французский май 1968 г.,

Пражскую весну, резню в Тлателолько и наступление во Вьетнаме в Новый год², студенческие восстания в Италии, Уругвае, Бразилии, Германии, США, Японии, Турции и так далее. В течение того года также произошли глубоко символические события: убийство Мартина Лютера Кинга и Б. Кеннеди, попытка убийства немецкого студента Руди Дучке. Это происходило в рамках возникновения и консолидации новых субъектов и форм борьбы, движений за расовое равенство, феминизм, ставшие самыми символическими для этой эпохи.

Мир столкнулся в проявлениями мятежности в глобальном масштабе. 60-е были отмечены, как отмечает в своей работе «*A Turbulent Decade Remembered*» литературный критик Диана Соренсен, чувством неотвратимости прихода нового времени и желанием приблизить его. Преобладала мессианская идея, что существовавшая антигуманная, репрессивная и авторитарная реальность жизни должны пройти очищение революцией. Однако эта воля к действию не превращалась в общую программу. Повстанцы были далеки от жестких программ традиционных левых, но демонстрировали смесь креативности, стихийности и энтузиазма. Они порождали гибридные формы культуры и политики, открывали новые формы освобождения, которое было коллективным и личным, частным одновременно.

Образы революционных героев циркулировали в Париже и Стамбуле, в Рио-де-Жанейро и Мехико, самым великим символом среди которых был Че Гевара, убитый в Боливии в октябре предыдущего года. Его образ присутствовал почти на всех массовых демонстрациях 1968 г. Нелегко понять почему он. Возможно, благодаря очарованию его лица, которое как-бы становилось проявлением самой программы революции, а возможно, потому что он отказался остаться на Кубе и начал с самого начала новую борьбу, став символом борьбы не только за одну страну, а за всех. Политолог Адольф Джилли в своей статье «1968 год: разрыв границ» указывал, что образ Че стал символом духа времени – оппозиции власти, а не борьбы за власть³.

Новые течения мысли, в частности, новый тип критики капитализма были частью этого «великого отказа». «Одни и те же книги, – пишет Эрик Хобсбаум в своей «Истории XX века», – почти одновремен-

² Речь идет о наступлении партизан и северо-вьетнамских войск на 30 городов и нападении на американское посольство в Сайгоне в праздник вьетнамского нового года.

³ Gilly, 1993.

но появлялись в студенческих книжных магазинах Буэнос-Айреса, Рима и Гамбурга ... , туристы революции пересекали континенты и океаны, от Парижа до Гаваны, Сан-Паулу и Боливии»⁴. Франкфуртская школы, Маркузе, итальянский марксизм или академический марксизм Альтуссера, размышления об автономии и новом рабочем классе, психоанализ обсуждались повсюду, смешивались концепции, создавая впечатление общего дела, необходимости построения нового в социальном, культурном и политическом поле. Также речь шла о новом человеке.

Однако этот обмен не был полноценным: в центре, в метрополии мало читали то, что приходило с периферии, и это несмотря на актуальность антиколониальной борьбы и политического опыта в Третьем мире⁵. Прочтение Франца Фанона или культурной революции в Китае широко распространилось лишь среди молодого мятежного поколения, также как и дискуссии между Че Геварой и Фиделем Кастро о стратегии вооруженной борьбы. Проявлялась солидарность с неравной и жертвенной борьбой вьетнамского народа.

Новая эпоха предложила новое главное действующее лицо – молодежь. Не потому, что раньше не было молодежи, а в 60-е молодые люди вдруг вступили на политическую и культурную сцену как самостоятельный субъект со своим опытом и со своими идеями, чаще всего отличными от поколения их отцов. Молодежь олицетворяла все новое и происшедшие изменения в обществе, и это объясняет, что в ней сосредоточилась вся динамика модернизации на глобальном и местном уровне. Над всем этим довлел кризис семьи, новые практики и отношение к сексу (в том числе и в отношении использования противозачаточных средств), демографические, образовательные и социально-экономические изменения, которые тогда переживал капитализм. Это была эпоха транснациональных экономик и корпораций, быстрого роста массового потребления и доходов. В этом смысле парадоксально, что послевоенные годы стали «золотым веком» процветания и расширения сферы благосостояния на весь мир, и это же вы-

⁴ Hobsbawn, 1995.

⁵ Категория Третьего мира впервые появилась в начале 1950 г., предложенная французским демографом Альфредом Сови, относясь к большей части планеты, когда было неважно, на какой стороне быть в Холодной войне, а главное состояло в достижении независимости колоний и в «национальном освобождении».

звало к жизни протест во всемирном масштабе. Страстное желание новой революции исходило из успехов экономики, роста городов, рынков, новых потребителей, но явной становилась невозможность удовлетворить надежду, которую вызвали эти изменения⁶. Надежда встретила риторическую поддержку в идеологии кризиса и освобождения.

Значение молодежи в это время определялось её местом в новой рыночной экономике развитых стран того времени. Молодежь представляла большие преимущества по сравнению со своими отцами: она была более способна адаптироваться в переменам и их скорости, особенно в технологической сфере. И это особенно важно, если учесть, что экономический рост в эти славные годы происходил не столько благодаря росту производительности труда, сколько новым технологиям. То есть не зависел ни от рабочего класса, ни от буржуазии, а от научного сообщества, специалистов и интеллектуалов. Политизация, которая происходила в Университетах, прежде всего, где научно-техническая революция и знание занимали решающие позиции, тесно связана с вышеупомянутым процессом. По мере того как высшая школа превращалась в центральный фактор экономики, власти сами политизировали его, рассчитывая иметь его на своей стороне через систему избирательного финансирования тех или иных исследований. Студенты и преподаватели развитого мира почувствовали то, что американской сенатор Джеймс Вильям Фулбрайт открыто заявил, что университеты предали общественное доверие⁷. Перед лицом опасности ядерного разрушения знания, наука оказалась также скомпрометирована. Если технологический прогресс вел к катастрофе, сама по себе идея прогресса⁸, являвшейся почти общепринятой догмой, кото-

⁶ Sorensen, 2007.

⁷ В 1970 г. Ханна Арендт писала: «Претензии университета на положение мозга общества или властных структур – это опасное и высокомерное заблуждение, хотя бы из-за того, что общество не является телом, тем более телом без мозга. ... Университет есть основа того, что общество там представляет студентам место, где власть не имеет последнего решающего слова” – Arendt, 2015.

⁸ Американский писатель Стефен Спендер, рассматривая различные движения 68 года, представил их в своей книге «*The year of the young rebels*»: использование слова прогресс не означало одно и то же по разные стороны океана. В то время как в Париже студенты категорически противостояли идеологии поль-

рая объединяла и либерализм, и социализм, и коммунизм, вступила в полосу кризиса, то молодежь увидела в своем будущем, как образно сказала Х. Арендт, «бомбу с часовым механизмом»⁹.

Сегодня не так просто понять природу 1968 года, шла ли речь о разрыве с прошлым или о преддверии нового мирового порядка, сложившегося в период с 1975–1989 гг. с перестройкой мировых рынков. Эти социальные, народные, расовые, культурные и феминистические восстания привели к переменам, которые длятся до нашего настоящего, став исходным пунктом новой фазы развития и экспансии капитализма. 1968 год рассматривается как идеологический конец руководящей роли промышленного пролетариата и начало нового типа неравенства в обществе. И. Валлерстайн считает именно так в своей статье «1968: революция миросистемы – тезисы и вопросы»¹⁰. Традиционные левые утверждали, что рабочий класс представлял интересы всех угнетенных. Тем не менее, фабричный пролетариат, в котором преобладали хорошо оплаченные городские жители – взрослые мужчины, реально представляют лишь небольшое меньшинство трудящихся, что стало вполне очевидным именно в эти года.

То же самое можно было утверждать и о национальных, этнических или расовых идентичностях. После 1968 г. национальность перестает рассматриваться как объективная реальность, а как результат социального конструкта. Казавшиеся ранее решаемыми, проблемы меньшинств превратились в вечную проблему, для которой не может быть автоматических решений. Возможно, самый сложный вопрос, который ставит это всемирное восстание, связан с возможностями социальных перемен без взятия власти, иными словами, является ли более важным завоевание форм социальной власти нежели политической. В народных, антисистемных движениях 68 год поставил про-

зы, прогресса, псевдосилы, в Америке по прежнему пользовались такими выражениями как “прогрессивные и регрессивные силы”, “толерантность к прогрессу и регрессу” и прочее.

⁹ Arendt, 2015. Не случайно, что в 60-е годы, как пишет Хобсбаум, возникла забытая со времен романтизма фигура героя, у которого молодость и жизнь заканчивались одновременно. Этот идеал особенно присутствовал в рок-музыке; Будди Холли, Джанис Джоплин, Боб Марли, Джимми Хендрикс стали их божествами, указывая, что смерть близка.

¹⁰ Wallerstein, 1989.

блемы организации, как не утратить единства, коллективности перед лицом многообразия идентичностей и требований.

Каждое восстание – это свой мир

Глобальный характер восстания, мятежности часто выливался в чувство солидарности молодежи, которой порой было неясно, какими должны быть пути движения и взаимосвязи, так как это была общечеловеческая гуманитарная революция¹¹. Историография, размышляя над этим феноменом солидарности, отмечала, что ключевым словом и лозунгом было «освобождение», которое смогло объединить различные контексты и значения движения. Однако более детальный взгляд на истоки движения 68-го делает очевидным, что это было немонолитное движение, и более того, его участники, молодежь предпочитали подчеркивать свои разногласия, а не совпадения взглядов. Как указывает аргентинский историк Валерия Мансано, глобальное влияние идей, предметов, технологий создавали общий язык способствовали конструкции обшей молодежной идентичности, которая в последнем смысле была укоренена в национальную действительность каждой страны¹².

В одном из интервью профсоюзной аргентинской газете бразильский студенческий лидер Жузе Жарбос Серкейра в декабре 1968 г. выразил взаимосвязь и напряжение между глобальным и местным в их движении, заявив, что поддерживает борьбу народов за национальное освобождение, «в первую очередь, вьетнамского народа, негров США, и борьбу против системы европейских студентов и рабочих». Он подчеркнул, что лучшим проявлением солидарности в этой борьбе должно было стать «усиление борьбы в нашей стране»¹³. Воспоминания публициста Пако Игнасио Тайбо о мексиканском движении дают пример того же. Он писал, что, с одной стороны, студенчество представляли собой некий бульон, в котором созревали политико-культурные движения, связанные с глобальными проблемами: всеобщее помешательство на чтении, на героях, на мифах, отказе от приня-

¹¹ Мексиканец Хосе Ревуэльтас писал в своем обращении к французской молодежи: «Мы знаем, что наш напор не остановится, и никто не сможет его остановить... Ваша революция не может быть ничем иным как международной». – *Revueltas*, 2003.

¹² *Manzano*, 2013.

¹³ *CGT. Buenos Aires. No 34, 19 de diciembre de 1968*

того, на кино, театре, на любви. Прошлое, писал он же, стало международной территорией, на которой происходили революции и там же происходили события романов и повестей, это не было национальной, местной и народной почвой. В тоже время, через это молодежь смогла почувствовать себя настоящими мексиканцами¹⁴.

Это становится более очевидным, когда в качестве образца этого мятежного года берется рабочее и студенческое движение во Франции. Май 1968 г. считается эмблемой или даже моделью для глобального толчка, который пробудил восстания во всем мире, которое рассматривалось исключительно как повторение французских событий. Даже стало общепринятым, что в некоторых странах произошел свой «Май». В Аргентине так называли «кордобасо» – студенческое и рабочее восстание в Кордобе в 1969 г. Действительно ли молодежь во всем мире стремилась повторить опыт французов? Внимательный анализ этих движений показывает, что французский пример был не столько примером или «иконой» для других, сколько событием, разбудившим самые разнообразные реакции. Были движения, которые вдохновлялись своими французскими товарищами, их новизной, их методами, их словом, но были и другие, для которых оно казалось далеким, примером инфантильного мятежа, или те, кто считал, «что это никакая не революция, так как не было жертв, за исключением одного юноши, утонувшего в реке», как о том писал перуанский писатель Альфредо Брисе Эченике¹⁵.

Эта двойственность была особенно характерна для Латинской Америки, где 68 год разбудил самые разнообразные реакции. В то время как одни идеализировали новое движение, другие считали, что в нем нет места революционной практики, а только чистая риторика. Для вторых, май 1968 г. был более консервативен, чем опыт Восточной Европы, где недовольство подавлялось русскими войсками, и даже США, где движение противостояло призыву солдат на вьетнамскую войну, и где это движение выросло в контркультурное явление: увлечение наркотиками, музыкальным роком, психоделическим идеями, движение негров и феминизм.

«Скажите своим мексиканским читателям, что мы продолжаем дело Сапаты и Гевары, Камило Торреса и Франца Фанона, но другими

¹⁴ Taibo II, 2006.

¹⁵ La Nación, Buenos Aires. 24 de Febrero de 2002.

методами», – говорил К. Фуэнтес французским студентам¹⁶. В Мексике Хосе Ревуэльтас приветствовал французских студентов за их отказ от следования каким-либо пустым формулам или партийным указаниям, за их действия против бесчувственной, бесплодной, косной бюрократии, старых политических лидеров, а значит за большой теоретический вклад в борьбу. Параллельно этим словам уругвайские студенты заверяли местную прессу, что восстание в Монтевидео в середине 1968 г. ни как не связано с французскими событиями, а аргентинцы заявляли, что их борьба идет в иное историческое время, и несмотря на то, что о нем менее слышно в мире, не значит, что она слабее. «Имитация процессов в других странах никогда не дают продвижения вперед для народных движений любого рода... Здесь есть трудящиеся, которые руководят борьбой, которые координируют другие сектора движения и их вклад в общую борьбу и в борьбу студентов. Студенты же поддерживают революцию трудящихся. Кто думает, что трудящиеся должны поддержать студенческую революцию, будут по-прежнему мечтать о повторении парижских событий, в то время как борьба идет в Авельянеде, Тукумане и в каждом районе нашей страны», – заявлял студенческий лидер в те годы Роберто Грабуа¹⁷.

Подобные различия проявляются на оси Восток – Запад. Есть те, кто считает, что Май 68 и Пражская весна были выражением общего отвращения к политической бюрократической машине, стремлением к свободе молодежи в восточном блоке, похожем на те же чувства, что и у парижской молодежи на ассамблеях в Театре Одеон. Другие же считают, что чешские события более близки национальной революции в Венгрии, подавленной советскими войсками в 1956 г. Например, несколько лет назад писатель Милан Кундера отметил близость этих двух процессов: «Май 1968 г. в Париже был неожиданной вспышкой. Пражская весна же была результатом долгого процесса, начало которого берет от шока сталинского террора после 1948 г. Парижский май, главным действующим лицом которого была молодежь, был пронизан революционным лиризмом. Пражская весна же питалась постреволюционным скептицизмом взрослых, зрелых людей. Парижский май в праздничной форме ставил под сомнение европейскую культуру, которая казалась скучной, официальной, склеротичной. Пражская весна являлась сама продуктом этой культуры, многие

¹⁶ Fuentes, 2005.

¹⁷ CGT. No. 33. 12 de diciembre de 1968.

годы подавленной идеологическим идиотизмом, защитой как христианства, так и свободомыслия и отрицания любой веры, и конечно же, современного искусства (именно модерна, а не пост-модерна). Парижский май гордился своим интернационализмом. Пражская весна хотела вернуть маленькую нацию к своим корням, вернуть ей независимость. Эти две весны должны были чудесным поводом, асинхронным, вышедшим из различного исторического бытия, оказаться на одном общем столе анатомического вскрытия»¹⁸.

Как видно, мнения о тех годах далеки от гармонии. Но они показывают, что то время было полно напряжений и откровений, и как писал аргентинский психолог Уго Веццетти, представляло собой сочетание локального и глобального, где не было места закрытым и жестким идеологически формулам¹⁹. Кто-то попытается обобщить опыт движения в соответствии со своей идейной приверженностью капитализму, коммунизму, терсермундизму, но такой подход не поможет разрешить все проблемы. Например, «итальянская осень», более нежели в других странах Европы связанная с рабочим движением, но и связанная с Красными бригадами, может оказаться более интересной для анализа аргентинского Кардобасо, чем для юмористической и развлекательной провокаций Провос²⁰ в Голландии. В конце концов, именно вторые дали начало экологическому или феминистскому сознанию, открыли интерес к темам сексуального разнообразия или к проблемам урбанизации, но реально никогда не представляли опасности для политической и экономической власти, что было в центре внимания движения в Италии или в Аргентине. Тоже самое касается и расовой проблемы в США. Американский журналист Марк Курлянский назвал 1968 годом, когда «нигеры» стали «чёрными». Опыт

¹⁸ La Nación, 30 de Mayo de 2009.

¹⁹ Vezetti, 2011.

²⁰ Это было движение контр-культуры, которое использовало юмор, хэппенинги как средство атаки на голландские политические структуры. Его лидером был Рул Ван Дуйн, рассказавший о своей философии в книге интервью с Д. Кон Бендитом: «Мы были безумно влюблены в революционную идею. Мы были убеждены в своей победе. Чтобы достичь нашей цели, было достаточно привлечь к себе максимально большое количество людей и показать им через шутки и юмористические провокации те страшные дефекты и противоречия, которыми страдает наша система. Так она бы разлетелась на куски». – Cohn Bendit, 1987.

борьбы движения за расовое равенство, в том числе и студентов-негров в Университетах США, был плодотворным, перекликаясь с антиколониальной и терсермундистской борьбой, хотя речь шла о движении в центре империи.

Разный 68 год

Что предполагает анализ латиноамериканского 68 года? Или в чем состоит отличие взгляда на 68 год из Латинской Америки? Если 60-е годы были отмечены ощущением неизбежности, то в данном регионе это чувство было особенно острым. Стоял вопрос, удастся ли достичь благосостояния, цели истории, которая столько раз откладывалась. В 60-е годы латиноамериканская проблематика смогла утвердиться в центре политической сцены, и в этом важную роль сыграла теория зависимости.

В 50-е годы Рауль Пребиш предложил новый взгляд на экономические трудности Латинской Америки. Пребиш указывал, что недоразвитость не просто этап в развитии, в условии существования само по себе, а посему следует искать причину недоразвитости в отношениях центра и периферии, иными словами, экспансия развитых стран и есть причина недоразвитости периферии. В конце 60-х годов этот диагноз был дополнен различными версиями теории зависимости, главный тезис которой состоял в том, что положение стран региона определяется не только их местом в мире, но и внутренними структурами местных обществ, а господствующий класс сотрудничает с внешними силами на условиях собственной зависимости. Если до этого проблема рассматривалась исключительно как экономическая, то данная теория предлагала политическое решение проблемы: для того чтобы изменить ситуацию с положением в мировой системе просто реформ недостаточно.

Огромное влияние на коллективное воображаемое в регионе оказала Кубинская революция. Куба разбудила антиимпериалистические настроения, которые были забыты с 30-х годов, она возродила надежду на новую региональную власть. В конце 60-х Куба, тем не менее, оказалась в политической и дипломатической изоляции, противостоя США, но и будучи отвергаемой правительствами стран региона, а также подвергаясь давлению со стороны СССР, который стремился встроить её политику в своё противостояние с Китаем. В конце 60-х годов кубинский феномен вошел в сознание широких слоев латиноамериканской молодежи, и формула Режи Дебре «Революции в рево-

люции», описывавшей стратегию партизанского очага, фокизма, стала моделью для ряда левых движений, которые преуменьшали значение формальной демократии как возможности для политического представительства и были уверены, что должны противостоять силой насилию и наступлению репрессивного государства. Вспомним, что в 1968 г. в регионе диктаторские и авторитарные правительства без колебаний прибегали к насилию для подавления социальных конфликтов и протестов. В Бразилии, например, установленный в 1964 г. режим отвечал репрессиями, арестами и убийствами на любую манифестацию студентов в 1968 г., что завершилось подписанием Институционального акта, передававшего президенту чрезвычайные полномочия и отменявшего конституционные гарантии.

Ещё более символичным с точки зрения репрессий был мексиканский 68 год. Студенты встали во главе народного движения, которое требовало демократизации и политического обновления, ставило под сомнение гегемонию правящей Институционно-революционной партии (PRI), правящей в Мексике с 1929 г. После 70 дней массовых акций и занятия университета и лицеев 2 октября правительство Диаса Ордаса дало приказ выступить против манифестантов, собравшихся на Площади Трёх культур, оставив на месте массу убитых, чье число оценивается в 200 человек.

Не удивительно, что студенческие движения в Европе породили энтузиазм среди латиноамериканской молодежи. Оно показало определенную слабость центральной власти. Не стоит и преувеличивать этот эффект, так как многие латиноамериканские молодые люди на первый план ставили проблемы Третьего мира и перспективы революции. Концепции зависимости и освобождения, систематическое насилие и социальное угнетение были ключевыми элементами в лексиконе латиноамериканских левых в 60-е годы. В частности, в Аргентине часть молодежи, связанная с политической радикализацией, ставила под сомнение модернизаторский дискурс, по которому страны региона стремились стать в ряд с развитыми странами. Эта молодежь в лице основателя аргентинской социологии Джино Джермани обращалась к понятиям Третьего мира, чтобы вписать собственную страну в «географию восстания», как то писал В. Мансано²¹. А некоторых случаях эта перспектива сочеталась с идеей, что европеизм затемнял национальный вопрос, его специфику, препятствуя также восприятию

²¹ Manzano, 2013.

Аргентины как части региона Латинской Америки, а предлагало стране по старому имитировать европейские образцы развития. В уругвайском журнале «Cuadernos de Marcha» в статье, посвященной Маю 1968 года, говорилось: «Под вопрос было поставлено общество всеобщего благосостояния, потребления и всеобщего процветания, чего никак не могло произойти в странах Третьего мира, в которых такового далеко не было, а здесь ставился под вопрос не только политический режим, конкретное правительство, не только система, но и сама цивилизация с её моралью, ибо в её рамках мы оставались париями на дне жизни»²².

Следуя этому рассуждению, нам представляется логичным сомневаться в правоте характеризовать студенческо-рабочее мятежное движение, происшедшее в Кордобе в 1969 г., как «аргентинский Май». Французский Май и Кордобасо разделяли общие мотивы и характеристики: подъем молодежного движения, стремление к рабоче-студенческому единству, решимость идти на столкновение с репрессивными силами государства, на уличную борьбу, надежда на стихийность масс без партийного руководства, а главное – вера в близость светлого будущего. Вместе с тем есть элементы, которые отличают эти движения. Кордобасо был высшим пунктом студенческого подъема, который был очевидным весь 1969 г. в различных аргентинских городах в Коррьентесе, Росарио, Тукумане, Буэнос-Айресе. Это был самый высший пункт народного сопротивления после свержения Х.Д. Перона в середине 50-х годов, когда главными действующими лицами протеста были трудящиеся и профсоюзы. В Кордобасо сочетались требования политической демократизации и революционные лозунги национального освобождения и практически отсутствовали исключительные университетские и молодежные требования. Как и французский Май Кордобасо стал мифом, так как диктатура не смогла от него оправиться: последовали отставка губернатора провинции, продолжались протесты, Р. Левингстон заменил генерала Х.К. Оганию в президентском дворце, а затем военные были вынуждены провести всеобщие выборы впервые с 1955 г. с участием перонизма.

Французский и аргентинский 1968 г. не были похожи по своим последствиям. То, что произошло с аргентинскими рабочими и молодежью в последующие годы, к сожалению, очень отлично от того, что произошло во Франции. Геноцид, развязанный военно-гражданской

²² Cuadernos de Marcha, Montevideo. No. 15, Julio 1968.

диктатурой с 1976 г., господство террора и пыток несколько не напоминало ту «коммуну» во Франции, которая парализовала Францию, но уже через месяц прекратившую свою деятельность без трагедии и террора. Перед нами многообразие опытов, которые, как предлагает Э. Хелин, перестать думать о Европе как о центре событий, а смотреть на 68 год как опыт с многочисленными очагами. С точки зрения движения, идей, практик различные формы и различная интенсивность создавали коллективное воображаемое глобального восстания тех лет. Хелин пишет: «Это не было событие, связанное с пространством и временем, став глобальным символом, распространяя своё значение и смыслы на другие пограничные ситуации, но 68 год превратился в аморфное событие, точнее, в ряд параллельных событий, вписанных в историю как символы идеализированного в течение последних 50 лет опыта»²³.

Краткое описание 60-х годов в Латинской Америке делает упор на политическую радикализацию ряда движений и на последовавшие за тем репрессии правительств и вооруженных сил, длившиеся все последующее десятилетие. Вместе с тем этот факт не должен заслонять для нас общую панораму событий, связанных с революцией в повседневных практиках людей и с возникновением контркультурных явлений. 60-е годы в Латинской Америке привели к серии процессов, среди которых выделялась социо-культурная модернизация, то есть периферийная версия общества потребления, завоевание молодежью своего важного места в массовой культуре, расширение образовательного эффекта и потребления культуры. Речь идет о периоде напряжения между модерностью и традиционализмом, когда происходило одновременно культурная закрытость при авторитарных правительствах и растущая привлекательность новых европейских практик и обычаев со стороны средних слоев латиноамериканских стран²⁴.

²³ Jelin, 2018.

²⁴ При этом не следует преувеличивать эту привлекательность европейских образцов. По крайней мере в Аргентине помимо конфликта между стремлением общества к модернизации и консерватизмом власти существовала «традиционалистская блокада» сверху наряду с напряженностью в самом обществе по типу : противоречий, двойственности побуждений. Одним словом, хотя перемены были главным словом в политической лексике тех лет, по многим вопросам – как место женщин, молодежи, семьи – оставались не решенными многие вопросы и подходы. – Cosse, Felitti, Manzano, 2010.

Необходимо объяснить, почему в латиноамериканской историографии долгое время 60–70-е годы рассматривались в дихотомии: повстанчество – антиповстанчество. Однако как указывает историк Эрик Солов, последнее время исследователи обратили внимание на такие темы как сексуальность, общинная жизнь, мода, музыка и другие потребительские практики, стали представлять латиноамериканских «новых левых» как более сложное и разнообразное явление, более похожее на их североамериканских и европейских собратьев, где политическая радикальность сочеталась с антисистемными ценностями и практиками, в том числе и в отношении сексуальности, чувственности, освобождения женщин, интереса к экологии, нового отношения к природе, поиска новых форм ассоциации²⁵.

В Латинской Америке, напротив, всегда, когда использовался термин «новые левые», им обозначали революционные политические действия, фокизм, волю к действию или революционное поколение авангарда. Некоторые таковыми считали только те силы, которые принимали вооруженную борьбу как главный метод в политике. Эта тенденция, – утверждает Солов, – несла в себе две опасности. Во-первых, не принимала во внимание опыт большинства населения, прежде всего молодежи, которая хотя и не принимала активного участия в этих движениях, ощущала на себе культурные и политические тенденции того времени. Факультет философии и литературы в Университете Буэнос-Айреса мог быть определен, по словам философа Эрнесто Лаклау, «местом, где все началось», местом, где формировались левые в те годы, хотя молодежная идентичность 60-х проявлялась и в других местах и контекстах²⁶. Молодежь также были хиппи на площади Франции, поклонники Битлз и те, кто что-то знал об Антонио Берни и Марте Минухин, те, кто ходил в джинсах и танцевал рок, кого больше интересовала сексуальная свобода, пацифизм и психоделические идеи. Кроме того, ещё более важным был взгляд на левых, для которых культурные изменения и новые практики в моло-

²⁵ Zolov, 2012.

²⁶ «Во второй половине XX в. пост ректора Университета Буэнос-Айреса порой имел большую важность, чем портфель военного министра», – утверждал один из кандидатов на этот пост, ибо именно там происходили главные идеологические дебаты в стране. Однако студенты представляли меньшинство молодежи 1% населения страны, а столичные студенты только 2% всех аргентинских студентов.

дежной среде оставались как бы невидимыми. Эти новые практики отвергались в момент, когда речь шла о чистках рядов из-за недисциплинированности и неготовности идти на революционные жертвы, но они постепенно приводили к пересмотру места главных действующих лиц в политике.

БИБЛИОГРАФИЯ

REFERENCES

- Arendt H.* Sobre la violencia, Buenos Aires: Alianza Editorial, 2015
- Cohn Bendit D.* La Revolución y nosotros que la quisimos tanto. Barcelona: Editorial Anagrama, 1987,
- Cosse C., Felitti K., Manzano V.* Los '60 de otra manera. Vida cotidiana, género y sexualidades en Argentina. Buenos Aires: Prometeo, 2010.
- Fuentes C.* Los 68: París, Praga, México. México: Editorial Debate, 2005.
- Gilly A.* 1968: La ruptura en los bordes // Revista Nexos, México. 1993.
- Hobsbawn E.* Historia del siglo XX. Buenos Aires: Editorial Crítica, 1995.
- Jelin E.* El 68 desde el sur: historia y memorias en América Latina // Sessantotto. Passato e presente dell'anno ribelle / Donatella della Porta (ed.) Milan: Feltrinelli. 2018.
- Manzano V.* Juventud y política // Coloquio Internacional Latinoamérica y la Historia Global, Universidad de San Andrés y The World History Center, University of Pittsburgh, Buenos Aires, 8 y 9 de agosto de 2013.
- Revueltas J.* México 1968: Juventud y Revolución. México: Ediciones Era, 2003
- Sorensen D.* A turbulent decade remembered. Scenes from Latin America sixties. Stanford: Stanford University Press, 2007.
- Taibo II P.I.* 68. México: Traficantes de sueños, 2006
- Vezetti H.* Los sesenta y los setenta // Revista Prismas. Vol. 15. N°1. Buenos Aires, 2011.
- Wallerstein I.* 1968: Revolución en el sistema mundo. Tesis e interrogantes // Estudios sociológicos. Colegio de México. 1989
- Zolov E.* Expanding nuestros horizontes conceptuales: el pasaje de una 'vieja' a una 'nueva' izquierda en América Latina en los sesenta // Aletheia. Volumen 2, número 4, julio, 2012.